

СЕГОДНЯ, когда из тайных архивов партии и КГБ скупо и выборочно выпускаются на свет Божий разные документы, мы знаем, что вопрос о недопущении на сцену МХАТа пьесы М. Булгакова «Бег» дважды рассматривался в январе 1929 года на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Занимался этим хлопотным и опасным делом бывший луганский слесарь Клим Ворошилов, помогая ему партийный «литературовед в штатском» — П. М. Керженцев, взявший на себя труд прочитать «Бег» и написать о пьесе отзыв, зачитанный на заседании Политбюро в присутствии Сталина и других «вождей». Постановку пьесы признали нецелесообразной. Но автора не тронули.

Гибель пьесы «Бег» потрясла Булгакова. Вторая его жена, Л. Е. Белозерская,

захотели и не смогли понять и сыграть Станиславский и его театр «Ведь автор нам ничего не дает положительного».

Нет, Булгаков дал им все, что потребно для сотворения театрального волшебства. Об этом сказал прочитавший «Кабалу святош» Горький: «О пьесе Булгакова «Мольер» я могу сказать, что, на мой взгляд, это очень хорошая и искусно сделанная вещь, в которой каждая роль дает исполнителю солидный материал. Он отлично написал портрет Мольера на склоне его дней, Мольера, уставшего и от неурядиц его личной жизни, и от тяжести славы. Так же хорошо, смело и, я бы сказал, красиво дан Король-Солнце».

Рецензия Горького точна в своих оценках и невольно выражает скрытые мысли (особенно в словах о короле, в заглавных буквах) но в ней с намерен-

В сталинскую эпоху такая идея считалась преступной, ныне она либеральная и выигрышная. Но осведомленный политик Горький не случайно назвал пьесу «Мольер». Здесь он волей-неволей следовал требованиям других, куда более опытных и трезвых знатоков политических кулис — руководящих чиновников Главреперткома, восставших против авторского названия — «Кабала святош». В «формальной» придирке скрывалось коварное и дальновидное иезуитство «Реальные» политики умели читать между строк, сразу почуяли опасность и хитро отвели ее с помощью отработанного аппаратного трюка.

Ведь так удавалось изменить смысл пьесы, замолчать ее третьего «героя» — тайное могущественное общество злобных фанатиков, травящее Мольера и заставляющее отступить самого Короля-

Всеволод САХАРОВ

Лит. Россия. — 1993. — 14 мая (№ 18-19). — С. 19.

ТРОН НА СЦЕНЕ

**Драматург
М. Булгаков
в лабиринте
реальной
политики**

Коллаж В. ДАНИЛО

вспоминает: «Ужасен был удар, когда ее запретили. Как будто в доме объявился покойник». После успеха «Дней Турбиных», «Багрового острова» и «Зойкиной квартиры» наступило отрезвление. И что же? Булгаков снова сел за письменный стол и в сентябре-декабре 1929 года, то есть в год его театрального унытожения, создал новую пьесу о театре и драматургии «В неимоверно трудных условиях во второй половине 1929 г. я написал пьесу о Мольере. Лучшими специалистами в Москве она была признана самой сильной из моих пяти пьес». И предложил эту пьесу МХАТу. Поступок отчаянно-смелый, неожиданный и сильно напугавший театр.

Выбор героя точен и значителен. Мольера Булгаков любил, для него это был не просто великий драматург-сатирик и родственная душа человека на смешливого и ранимого. Это и великий театр, это прекрасная Франция, ее великая культура, это «призрачный и сказочный» Париж, «мой недостижимый город» как называл его автор «Дней Турбиных», которому не довелось увидеть постановок своих пьес на парижской сцене. Даже отзывы мушкетерских романов Дюма слышны в «Кабале святош». «Побывать в Париже было всегда вожаденной мечтой писателя Булгакова, поклонника и знатока Мольера» — говорила Л. Е. Белозерская.

Здесь, как всегда, сошлось множество любопытных случайностей. В 1922 году праздновалось трехсотлетие со дня рождения Мольера. Вышло много книг во Франции и России, в Париже даже поставили посвященное великому драматургу реву, где танцевала будущая жена Булгакова — Л. Е. Белозерская. Она-то и переводила в 1929 году биографию Мольера для мужа, который и сам, впрочем, знал французский язык и изучал все написанное о драматурге Булгакова. Окружали тогда знатоки французской литературы, и прежде всего друг Н. Лямин, ему помогала и отлично владевшая языком Е. С. Шилова. Так что материала хватало. Но, как сам автор признавался, кроме «работы в книгохранилище» смело действовала его творческая фантазия. Нужна была идея, и к ней привели трагические жизненные обстоятельства. Так начиналась булгаковская «мольериана».

«Бывший драматург» (так он подписал одно из писем) Булгаков пишет пьесу о том Мольере, о котором Гете сказал: «Да, прямой человек, в нем не было ничего неискреннего, изломанного, при всем том такое величие. Он господствовал над нравами своего времени». И Гете был прав, ибо великий сатирик всегда выше нравов и заблуждений своей эпохи и потому так беспощадно и метко смеется над ними. Но ключевое слово здесь — «человек».

Отвечая Станиславскому, требовавшему показать на сцене гений Мольера и даже сыграть что-нибудь из «Тартюфа», Булгаков вежливо, но непреклонно ответил: «Я и стремлюсь, собственно, дать жизнь простого человека. Моя главная забота была о том, чтобы Мольер был живой». Гениальность драматурга должны были сыграть окружающие его персонажи. Отсюда и идея «романтической драмы» с сознательными «сдвигами» в биографии, служащими по словам Булгакова, «драматургическому усилению и художественному украшению пьесы». Его Мольер простодушен, беззащитен, открыт всем соблазнам и ударам жизни. Этой-то обыденной драмы великого человека, так похожей на трагедию Пушкина, не

ным нажимом обозначена главная пара персонажей — Мольер и король Людовик. Ранимый человек и бесчеловечный золотой идол. Гений и угнетающая его деспотическая, чуждая всякому творчеству власть. Эту мысль Горького исследователи булгаковского творчества давно усвоили и полюбили достаточно прочитав книгу американки Э. Проффер «Булгаков. Жизнь и творчество» (Анн Арбор, 1984), чтобы еще раз обнаружить, что автор «Мольера», «Пушкина» и «Батума» интересовался тиранами, и имел в лице Сталина своего Людовика и Николая I. Сразу же возникают соответствующие аллюзии и параллели. Но они уже намечены в 1936 году тем же Керженцевым сообщившим в очередном доносительном докладе на заседании Политбюро ЦК о тайных намерениях автора пьесы «Кабала святош»: «Он хочет вызвать у зрителя аналогии между положением писателя при диктатуре пролетариата и при «бессудной тирании» Людовика XIV».

Солнце. Это реальная, подлинная власть, всегда скрытая за кулисами парадной, самодовольной диктатуры. Знал эту силу, считался с ней осторожный реалист Сталин. Более того, он пытался от тайной черной власти отмежеваться и именно поэтому ответил ободряющим телефонным звонком на отчаянное письмо Булгакова в 1930 году. Вот как это выглядело в умелом ластящем изображении безымянного информатора ОГПУ: «Он (Сталин — В. С.) ведет правильную линию, но кругом него сволочь. Эта сволочь и затравила Булгакова, одного из самых талантливых советских писателей». На травле Булгакова делали карьеру разные литературные негодяи, и теперь Сталин дал им щелчок по носу». Сталин и Булгаков знали, что дело обстоит куда серьезнее и что одним щелчком тут не отделаешься.

Вот что сказано булгаковским Мольером в черновой редакции пьесы: «Все равно, как бы писатель ни унижался, как бы он ни подличал перед властью, все едино, она погубит его. Не унижайтесь!»

Я унижался и погиб! Ненавижу государственную власть! Он думает, что он всемогущ, он думает, что он вечен! Какое заблуждение! Черная кабала за его спиной точит его подножие, душит и режет людей, и он никого не может защитить! Жаль, что Сталин не прочитал эти вещи слова, он бы мог вспомнить бы их, когда лежал, отравленный, на полу кунцевской дачи и из последних сил поднял руку, чтобы погрозить обступившим его убийцам и перетрусившим лакеям из того же Политбюро.

Но затем и было изменено название булгаковской пьесы, чтобы такие тревожные «звонки наверх» не доходили до адресата, и без того, впрочем, осведомленного о постоянной тайной опасности. Черная кабала умела изворачиваться, защищаться, всегда оставалась в тени, за кулисами политической жизни. Ее оружие — большая ложь, любимый аргумент — нет никакой кабалы! Но с кем же тогда десятилетиями велась тяжелейшая борьба?

На сцене оставалась описанная Горьким пара персонажей: писатель и тиран. Но замысел Булгакова был совсем иной: «Он хотел написать пьесу о светлом, ярком гении Мольера, задавленном черной кабалой святош при полном попустительстве абсолютной, удушающей силы короля». А эта идея не соответствует либеральной мысли о гении и его гонителе, скрывающей подлинную суть дела. Изменив название булгаковской пьесы, неожиданные защитники святош XVII столетия дали возможность совсем другого ее толкования и тем самым пьесе в конце концов погубили. Тут им много помог чуткий к руководящим «советам» Станиславский, «затерший» «Мольера» в многолетних репетициях и требовавший показать на сцене (?) гений Мольера в полном соответствии с рецензией Керженцева.

Почему же Булгаков дал пьесе о Мольере название «Кабала святош» (то есть «тайное общество святош»), так ценил непонятую и несывающую сцену в соборе, постоянно указывал актерам и режиссеру на очень серьезную фигуру умного и безжалостного епископа-фанатика? Представляется, что разгадку надо искать в самой эпохе.

Вся вторая половина 20-х годов наполнена закулисной и тем более изощренной, яростной борьбой за власть, ощущавшейся всеми и всюду. Сталин вовсе не так легко «взошел на трон», как это представлено в некоторых новейших исторических сочинениях. Лишь к 1929 году ему удалось покончить со своим вечным врагом Троцким и одержать верх в иезуитских аппаратных играх. Но главные его противники и их многочисленные ставленники в правительстве, партии и литературе уцелели, отчасти сохранили влияние, действовали, опрометчиво вынуждали памятливого и самолюбивого Сталина на временные уступки. Борьба продолжалась и завершилась лишь «ежовщиной» и пресловутыми публичными «процессами» конца 30-х годов. В дикой кровавой бойне ощущима страшная логика, всем все припомнили.

Заглянув в длинный список жертв репрессий, мы обнаружим почти всех гонителей Михаила Булгакова — от Л. Каменева до Л. Авербаха. Расстрелян «очень мрачный человек с малосенькими, коротко подстриженными под носом усиками и тяжелыми глазами» (портрет Генриха Ягоды в черновой редакции «Мастера и Маргариты»), родст-

